

ОРФОГРАФИЯ И ТРАНСКРИПЦИЯ

ОБ ОДНОМ НАИВНОМ ОРФОГРАФИЧЕСКОМ ПРИЕМЕ

(Прописные и строчные буквы в собственных именах,
употребленных переносно)

До чувства почтения и вообще
до каких бы то ни было нравственных
чувств и правил орфографии нет дела.

И. А. Нигпарт *

В своде орфографических правил 1956 г. дано несколько примечаний к § 95 (о написании с прописной буквы имен, отчеств, фамилий, псевдонимов, прозвищ). В примечании 3 говорится о написании со строчной буквы имен собственных, превратившихся в нарицательные (*ловелас, донжуан, меценат, ментор*) и при этом делается следующая оговорка: «Но если такие названия людей лишь употребляются в нарицательном смысле, но не превратились в имена нарицательные, то они пишутся с прописной буквы, например: *Может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать* (Ломоносов); *Не каждый день рождаются Гоголи и Щедрины*». В примечании 4 сказано: «Индивидуальные названия людей, употребляющиеся в презрительном смысле как родовое название, пишутся со строчной буквы, например: *азефы, квислинги*».

* И. А. Нигпарт. Опыт статистики затруднительных случаев правописания. Н. Новгород, 1877.

Остается не вполне ясным, как соотносятся между собой эти две рекомендации. Имеем ли мы в любом случае при употреблении «в презрительном смысле» имена собственные, превратившиеся в нарицательные, или это касается только определенных имен, для которых такое употребление стало в какой-то мере традиционным (как приведенные *азефы* и *квислинги*)? Есть ли основания считать, что имя собственное, называющее деятеля, которого мы оцениваем положительно, при употреблении во множественном числе остается именем собственным, а имя «отрицательного» деятеля при таком же употреблении «превращается в нарицательное»? Или употребление прописной и строчной буквы непосредственно должно отражать оценку соответствующего деятеля (при «положительном» отношении следует писать прописную букву, при «отрицательном» — строчную) независимо от того, превратилось ли собственное имя в нарицательное или только употреблено в нарицательном смысле? Составители свода не имели в виду последнее истолкование. Более того, предполагалось, что «этим правилом должно быть внесено ограничение в написания со строчной буквы при таком употреблении имен и фамилий с презрительным оттенком (обычно в форме множественного числа), которое не получило общераспространенного и устойчивого характера»¹. Но рекомендация свода выражена недостаточно ясно, в частности — из-за неудачного подбора примеров (см. выше). Она не помешала следующей формулировке правила в справочнике, вышедшем вскоре после свода: «Имена, утратившие значение собственных и употребляемые в значении нарицательном, пишутся со строчных букв: *ловеласы, донжуаны, альфонсы, меценаты, менторы* и т. д. Со строчной буквы пишутся и собственные имена, употребляемые в презрительном значении: *фрицы, квислинги* и др.»² Возможно, эта формулировка способствовала тому, что в практике печати последних лет стало довольно прочной традицией непосредственно отражать в орфографическом облике собственного имени, употреб-

¹ А. Б. Шапиро. Упорядоченное русское правописание. К выходу «Правил русской орфографии и пунктуации». М., 1956, стр. 34.

² К. И. Былинский, Н. Н. Никольский. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. М., 1957, стр. 59.

ленного во множественном числе, оценку соответствующего лица — политическую, моральную, эмоциональную. Приведем ряд примеров:

Ярчук — тварь живучая, а доказательств нет никаких. Что же, значит, надо отступать перед *ярчуками*? (В. Аксенов, Коллеги, 1961); Может быть, у *Назарова* и ему подобных есть еще друзья, на которых они точат перья. Этим фельетоном мы хотим их предупредить: не садитесь с *назаровыми* за один стол («Неделя», № 29, 1960); Ведь таким, как *Абашин*, безразлично, чем торговать — редиской или офортами. Их интересует только барыш. Не случайно именно в «среде» *абашиных* были попытки сбыть произведения ряда русских живописцев неким заморским дельцам («Лит. газета», 5 января 1960 г.); — А что же будет? — спрашивают недоуменно колхозники, и лектор не находит, что им ответить, даже с помощью трудов того же профессора *Нудника*. Сколько было у нас подобных *нудников*! («Октябрь», 1959, № 7).

Количество таких примеров можно было бы увеличить во много раз³. Столь же богато можно проиллюстрировать те случаи, когда прописная буква непосредственно выражает положительное отношение к носителю собственного имени. Ограничимся несколькими примерами.

Александры Матросовы и *Валентины Гагановы* кажутся ему непонятными, странными подвижниками («Знамя», 1959, № 11); Да, героем ее стал «сосед, Иван Иванович», — *Мересевы* и *Керженцевы*, *Мартыновы* и *Лобановы*, *Журбины* и *Соколовы* («Лит. газета», 3 марта 1959 г.); Вы не *Гейне* пока, и не *Листы* («Москва», 1959, № 8); Среди этих лучших нет еще *Гилельсов* и *Рихтеров* (другими словами — высочайших вершин музыкального мастерства) («Веч. Москва», 14 апреля 1962 г.).

Эту «орфографическую символику» распространяют и на географические названия, с которыми есть возможность связать отрицательную или положительную оценку. Ср., например:

³ Приведем случай распространения этого орфографического приема на передачу текста Ленина: ... кадетских *балалайкиных* из «Речи» ... (Соч., изд. 4, т. 15, стр. 179; то же в изд. 5, т. 17, стр. 209); ср. в изд. 3, т. 12, стр. 339 воспроизведение ленинского написания *Балалайкиных*. Правомерно ли было такое «орфографическое вмешательство» в ленинский текст в последних изданиях его сочинений?

Народы мира видят позор *Литл-Рока*, тысяч *литл-роков* Америки, где детей не пускают в школу только за то, что у них черная кожа («Правда», 28 сентября 1958 г.); ...разорвавших колючую проволоку *освенцимов*, опутывавшую страны Европы («Лит. газета», 24 ноября 1959 г.); ...мы столько новых *Комсомольсков* еще построим на Земле! («Октябрь», 1958, № 10).

Затруднения возникают при столкновении «положительных» и «отрицательных» собственных имен в одном тексте. Иногда редакторы и корректоры проявляют поразительную последовательность:

Понятно, что реакционные писатели не хотят рассказывать о тех слоях современной молодежи, из среды которой выходят *Фидели* и *Раули Кастро*, *Анри Мартэны*, герои Сеула и Мадрида, идущие под пули во имя своих высоких и светлых идеалов. Но ведь не менее понятно стремление умолчать и о той питательной среде, которая рождает новое поколение империалистических воротил — всех этих *генри фордов* вторых и им подобных, и о тех, из которых буржуазия вербует себе на службу всевозможных *фрэнсисов пауэрсов*» (Д. Брейн, Путь навверх, 1960; послесловие В. Зорина);

Должно быть тошно *уоллстритам*,
Что здесь теперь цеха стоят...
Что, силу грозную устроив,
Он * возмужал в года войны.
И в пятилетки *Волгостроев*
Остался гордостью страны.

(«День русской поэзии», 1958)

Но, кажется, чаще их покидает в таких случаях «орфографическая бдительность»:

Поражение *вальганов* и торжество *бахиревых* — это и есть, по мысли писательницы, тот главный итог, который принесли нам годы, прожитые страной после XX съезда партии («Звезда», 1958, № 8); У *моцартов* революции всегда есть свои *сальери*, но *моцарты* — не сдаются, *моцарты* — их сильнее! («Лит. газета», 19 декабря 1961 г.).

Здесь «орфографически обижены» *Бахиревы* и *Моцарты*... Можно найти и обратные случаи:

Во всяком жанре есть свои *Смирновы-Сокольские*, свои *Аркадии Райкины*, свои *Ильи Набатовы*, свои *Олеги*

* Магнитогорский комбинат.

Поповы, свои *Николаи Рубаны* и *Ирины Бугримовы* и одновременно с ними — свои *Николаи Кустинские*... Я имею в виду того чересчур бойкого куплетиста, которого недавно так резко и справедливо критиковала «Правда» («Комс. правда», 28 апреля 1959 г.).

Разумеется, современная печать далека от последовательности в проведении отмеченной тенденции употребления прописных и строчных букв (не говоря уже о том, что подобная примитивная «орфографическая символика» во многих случаях не применима). Ограничимся немногими примерами:

Прочитав в газете заметку с критикой учебника физики, один педагог обидчиво сказал: «А ведь по Перышкину учились наши *курчатовы*» («Известия», № 162, 1963 г.); Высокий голубоглазый блондин, размашистой поступью идущий сквозь толпу будущих *теркиных* навстречу своей крылатой судьбе... («Лит. газета», 21 июня 1960 г.); ...и спят в колясках те поэты будущие, кому придется быть его *гомерами* («Иностр. лит-ра», 1960, № 10).

Ср.: Наши современные *Бюжо*, *Кавеньяки* и *Сент Арно* готовы повторить на улицах Парижа «подвиги» своих предшественников («Лит. газета», 18 июля 1959 г.); Вот и ходят по городу неразвенчанные *Абрамовы*, *Хандусенко* и им подобные, пытаясь разносить свою проповедь эгоизма и пошлости («Комс. правда», 10 января 1960 г.); ...вот что на деле, а не на словах, означает «твердая» власть господ *Сустелей* и *Массю* («Лит-ра и жизнь», 20 сентября 1958 г.).

Итак, получается довольно сложная картина. С одной стороны, в написании прописной или строчной буквы стараются отразить процесс перехода собственного имени в нарицательное, с другой, в написание строчной буквы непосредственно вкладывают «информацию», которую вряд ли целесообразно пытаться передать орфографическими средствами...

Мы сталкиваемся здесь с отражением очень давнего наивного представления, что прописная буква помогает выразить уважение к тому или иному лицу или идее. Оно давно высмеяно, в числе других — Белинским и Добролюбовым. Последний писал: «Всякому мыслящему человеку ясна, конечно, вся нелепость и фантастичность подобного способа выражать свое почтение, и этого, ко-

нечно, никто не станет приводить в защиту прописных букв, тем более, что уничижительные Ваньки и Петрушки все-таки остаются с В и П большими и, следовательно, обличают почтительных грамотеев в непоследовательности»⁴. Как видим, теперь эта «непоследовательность» устранена...

В истории употребления прописных букв как средства выделения отдельных слов в тексте за последние 100—150 лет обнаруживается очень определенная тенденция. Все больше обнаруживается их основная функция — функция отграничения собственных имен, которые, как известно, не являются носителями понятий, от имен нарицательных, выражающих понятия (функцию эту именуют десемантизирующей). Использование прописных букв с другими целями постепенно сходит на нет. Изживается, в частности, и наивная «орфографическая символика». Следует покончить с ней и в данном случае.

Употребление строчной буквы так же должно отражать превращение собственного имени в нарицательное, как употребление прописной — превращение нарицательного в собственное. Разумеется, поскольку языковое явление всегда сложнее тех средств, которые предоставляются орфографией для его выражения, здесь неизбежны колеблющиеся, промежуточные случаи.

В своде данное частное правило должно быть сформулировано так, чтобы у пишущих не оставлялось ни малейших оснований проводить параллель между написанием прописной или строчной буквы и положительной или отрицательной оценкой носителя собственного имени⁵.

Н. А. Еськова
(Москва)

⁴ См.: Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. 1. М.—Л., 1961, стр. 499.

⁵ В проекте правил, выработанном в Орфографической комиссии 1962—1964 гг. (см.: «Проблемы современного русского правописания». М., 1964) снято примечание о случаях типа *азефы*, *квислинги*. Но окончательная четкость все же не вносится. Очевидно, надо дать пример переносного употребления «отрицательного» собственного имени в множественном числе, написанного с прописной буквы.